

Что такое свобода

*Беседа Александра Вилейкиса
с Филипом Петтитом*

Филип Петтит. Принстонский университет (PU), США; Австралийский национальный университет (ANU), Канберра, Австралия, ppettit@princeton.edu.

Александр Вилейкис. Алматы Менеджмент Университет (AlmaU); Алма-Ата, Казахстан, alexandro.vileykis@gmail.com.

Разговор с Филипом Петтитом о свободе. Эта кажущаяся тривиальной тема до сих пор остро проживается огромным числом людей. Обращаясь к различным историческим эпохам, политическим режимам и на примере разных социальных групп, Петтит демонстрирует различие между «естественными ограничениями» и проявлениями власти. Так, например, с одной стороны, есть ряд социальных условий, которые увеличивают риск гендерного насилия, а с другой — конкретные люди, которые его осуществляют, руководствуясь существующими нормами. Петтит не приводит четкого определения свободы, которое бы позволило их разграничить, но предлагает рассматривать каждый случай, демонстрирующий тот или иной тип ограничений, приводящих к угнетению одного человека другим, в отдельности. В отличие от французской философской традиции, для республиканцев, следующих за Ханной Арендт, к которым относит себя и Петтит, власть не появляется в каждой возможной ситуации, но ограничена политическим полем. Еще одной важной темой беседы является самоцензура. Республиканизм предлагает широкую теоретическую рамку для осмысления ограничений, добровольно налагаемых человеком на себя в попытках угодить тем, от кого он зависит. Для современной теории это ключевая тема, затрагивающая вопросы «структурного насилия», которые могут дать необходимый ресурс для осмысления многих процессов, происходящих сегодня.

Ключевые слова: *республиканизм; свобода; доминирование; Филип Петтит.*

В организации и проведении интервью принял участие *Андрей Бабицкий*. Журнал *Versus* публикует сокращенную версию интервью, в которую не вошли реплики *Андрея Бабицкого*.

Александр Вилейкис: Может ли республиканизм быть индивидуальным этическим проектом? Говоря точнее — могу ли я быть свободен как индивид в частной жизни, не меняя при этом мир?

Филип Петтит: Боюсь, что нет. Для этого необходимы изменения в публичной сфере. Принято противопоставлять гражданский гуманизм и более традиционный гуманизм, представители которого довольствовались своей маленькой индивидуальной свободой, обретенной в чтении и размышлениях. Они чувствуют себя свободными от других в своей башне из слоновой кости, где могут игнорировать всё, что другие говорят и делают. Но считать, что игнорирование окружающих приводит к освобождению, — это ошибка. Наоборот, мы можем наслаждаться свободой, настоящей личной свободой, только когда существуем в свободном обществе. В создании такого общества и заключается гражданский долг. Если мы как индивиды заинтересованы в личной свободе, то должны сформировать свободное общество, когда правовые нормы, нормы морали, нравственности и социальные нормы делают невозможным личное угнетение одного человека другим. К таким нормам относятся криминальное право, деликтное право, право, регулирующее трудовые отношения, отношения в общественных местах, в церкви и так далее. Это гарантирует, что одни люди не будут доминировать над другими в частной жизни, но, в свою очередь, требуется источник права, который должен контролироваться каждым гражданином в равной степени. Мне кажется, в республиканизме содержится настоящий этический вызов: работать на достижение коллективной свободы, а не свободы отдельных индивидов. Человек должен быть готов бросить вызов правительству, когда оно нуждается в изменениях. Можно привести в пример неповиновение, которое люди демонстрировали в Гонконге на прошлой неделе, когда они вышли массово на улицы и правительство в итоге отступило, потому что люди собрались и выступили. Это потребовало мужества от каждого из них, при этом я не думаю, что успех их выступления был гарантирован. Китайское правительство безжалостно карает участников протестов, поэтому сейчас для каждого из протестующих это — большое личное испытание и персональный риск.

А. В.: В современной антропологии существует близкое к вашему пониманию самоцензуры понятие «структурное на-

силе» — насилие, которое существует, но мы его не видим. К примеру, не замечаем скрытые механизмы контроля, которые вынуждают нас заниматься самоцензурой, регулировать свое поведение, не говоря уже о странах третьего мира, где ситуация гораздо хуже. Даже в старых добрых республиках — римской или итальянских — было то же самое. Приватная жизнь, наполненная правилами, традициями, нормами, которые так или иначе ущемляют нашу свободу даже тогда, когда мы этого не осознаем. Можете ли вы описать то, как будет выглядеть общество республиканской свободы? Потому что я не могу себе этого представить: понимаю, что в таком обществе должны действовать законы, не допускающие угнетение одного человека другим, но целостного образа не получается.

Ф.П.: Я думаю, даже когда доминирование осуществляется корпорацией или государством, у него всегда есть конкретный агент, пусть и вовлеченный в такой вид межагентного доминирования. Это и есть структурное доминирование, о котором вы говорите. Например, вы живете в обществе с сексистскими нормами и есть законы, которые соответствуют нормам, согласно которым устанавливается сексистский порядок, — как, например, некоторые законы в Катаре. Нормы лишь обеспечивают условия для доминирования, способствуют ему. Например, повседневный сексизм, когда работодатели-мужчины считают нормальным делать какие-либо сексуальные намеки сотрудницам или платить мужчинам большую зарплату. Каждая жертва подвергается одновременно и конкретному насилию, и структурному насилию, которое поддерживается нормами, — именно здесь должен появляться закон, делающий это невозможным.

Структурное доминирование может принимать множество форм. Например, вы живете в обществе, где работодатели являются собственниками, и они диктуют условия контрактов работникам. Я имею в виду, что режим не является агентом, доминирует не он, доминируют конкретные люди, пусть даже делая это группами, посредством допускающих это норм. Мир — это не система, которая сама по себе осуществляет доминирование. Люди подвергаются конкретному доминированию со стороны индивидуальных агентов.

Поэтому доминирование лишь опосредовано структурами. Например, если нормы, регулирующие порядок финансирования политических кампаний допускают возможность финансирования партий отдельными лицами,

и по соображениям конфиденциальности не раскрывается, кто именно предоставляет средства, мы сталкиваемся с ситуацией, когда норма напрямую не приводит к доминации, но можно не сомневаться, что победа правящей партии зависит от небольшой группы очень состоятельных людей или корпораций, ее поддерживавших. А это значит, что обычные люди не могут в равной степени разделить контроль над правящей партией, над правительством. А это значит, что они зависят от чужой воли, воли государства, которое не чувствительно к их воле. Таким образом и происходит структурное доминирование, которое вы называете структурным насилием.

А.В.: Правильно ли я понимаю, что политическое действие могут осуществлять только агенты, такие как индивиды, институты, народ в целом, но не структуры?

Ф.П.: Конечно, сами структуры и нормы не могут быть агентами. Только отдельные люди или группы лиц могут действовать и должны стремиться изменить существующие нормы и структуры. Если нормы и структуры доминируют в прямом смысле, способствуя индивидуальному господству, то НКО, напротив, являются самыми важными агентами в демократическом поиске перемен и, возможно, — самыми эффективными. Важно, что они сосредоточены на решении конкретных практических вопросов, что позволяет им накопить необходимые знания, опыт.

А.В.: Где пролегает граница между нормами, обусловленными структурой, и действиями агента? Когда мы следуем какой-то норме, возможно, мы поступаем так потому, что, к примеру, так поступали наши предки, то есть над нами доминируют люди, которые давно умерли, но сформировали те или иные нормы. Как тогда отделить норму или структуру от конкретного действия?

Ф.П.: Интересный вопрос, который похож на вопрос о языке. Язык накладывает на нас свои ограничения, определяет слова, которые мы можем использовать, и их значения, но мы можем совершенствовать его. В основном ограничения связаны с тем, как именно он развивался вплоть до настоящего момента, не так ли? Эта ситуация не является формой доминирования, это просто ограничение. Ведь за языком не стоит какой-то агент, который бы навязывал нам, что можно

говорить, а что нет. Так просто сложились обстоятельства, ход истории.

Дело не в том, что этот набор ограничений облегчает доминирование одних над другими. Потому что все люди разделяют подобные, унаследованные исторически, ограничения — такие как язык. Думаю, бороться с такими ограничениями — это ошибка, именно потому что они безличны. Это не форма контроля, не доминирование, это нечто, что можно сравнить с силой тяжести. Гравитация не доминирует над нами. Она просто накладывает на нас определенные ограничения.

Здесь уместно вспомнить ситуацию с современным французским языком. Французская академия создала французский академический язык, за которым ведется строгий надзор. В академической среде не приветствуется использование общераспространенных слов, заимствованных из английского, даже если они удобнее французских аналогов. Думаю, большинство подобных случаев показывает бесполезность такой борьбы, ведь эта ситуация сама по себе не только неудобна, но и вредна для развития языка. Английский и другие языки только выигрывают от того, что постоянно создают новые значения, неологизмы, в то время как дипломатический французский огражден от перемен законом. Скверная ситуация, которая точно не может быть оправдана с точки зрения республиканизма.

А.В.: Эта ситуация кажется мне ярким примером доминирования, потому что французское правительство верит в контроль языка и над языком. Это может быть результатом воздействия французской философии XX века: Лакан, Делёз, Лиотар и так далее. Возможно, над правительством попросту доминируют несколько мертвых философов.

Ф.П.: Доминирование — это всегда иметь кого-то в своей власти. В этом смысле мертвые философы не контролируют ситуацию. Я имею в виду, что мы могли унаследовать некоторые слова, но мы всегда можем от них отказаться. В любом случае, это не постоянный контроль, как в случаях, когда вы защищаетесь от конкретной власти. Это ограничение, и, хотя оно само по себе может быть вредным, оно не лишает вас свободы.

Поэтому в республиканском подходе закон нас ограничивает, но он — неизбежен. Наш вид в своем развитии пришел к форме государства. Нет какого-то способа уйти

за рамки государства как концепта. Закон неизбежен, он ограничивает вас. Но это нормально при условии, что он не доминирует. И он будет контролировать, а не доминировать, если только это не закон, продиктованный волей одного человека.

А.В.: Чтобы подвести итог, не могли бы вы набросать, как должно выглядеть действительно хорошее государственное устройство, где доминирование было бы сведено к минимуму?

Ф.П.: Вы имеете в виду примеры из сегодняшнего мира? И что можно в них изменить? Думаю, есть много стран, где доминирование сведено к минимуму, в том числе благодаря политике правительства. Мне нравится пример Австралии, где я живу и где можно прийти на участок и проголосовать и на участке не будет фальсификаций. Я могу не одобрять действующее правительство, но оно избирается в условиях прозрачности, с независимой судебной системой, с независимыми СМИ и большим количеством НКО, которые следят за действиями правительства. Поэтому правительство находится под широким общественным контролем.

Конечно, большинство таких примеров — Австралия, Канада, Новая Зеландия, скандинавские страны — развитые демократии. Они не идеальны, есть множество способов, которые улучшили бы дальнейшие меры предосторожности и систему сдержек и противовесов. Во многих странах имеющие право голоса не ходят на выборы и, на мой взгляд, это проблема. Это приводит к тому, что правительство пренебрегает беднейшими 25% — четвертью населения, то есть теми, кто, как правило, не голосует. Но есть и другие способы улучшить каждую демократию. В любом случае, что касается публичного доминирования, существует хотя бы некоторое количество примеров того, что я назвал бы «идеалом». Идеалом, конечно, относительным.

С другой стороны, особенно острая проблема возникает, когда речь заходит о частном доминировании. Это связано с ростом транснациональных корпораций, с их исключительной властью, с тем, что они фактически доминируют над правительствами путем манипуляций: если правительства не идут на их условия, они переводят свой бизнес в офшоры или просто переносят его на территории других стран. Таким образом корпорации устанавливают реальную власть над людьми и сообществами. И правительства

не прилагают достаточных усилий, чтобы противодействовать этому.

Я также думаю, что существующие традиции юридической и медицинской помощи, для поддержания которых очень важно финансирование со стороны государства, способны обеспечить защиту от частного доминирования. Сейчас эти вещи утрачивают значение, и поэтому я думаю, что именно на этом фронте есть место для серьезных улучшений. Более того, даже в наиболее развитых демократических государствах реальной проблемой является влияние денег. И тем, кто имеет деньги, легко сделать правительства зависимыми от них в плане электоральной поддержки, и их финансовые вложения гарантируют, что правительство сделает выбор в их сторону.

А.В.: У меня есть короткий вопрос. Вы — республиканец и при этом живете в Австралии. Новая Зеландия — соседняя страна. Единственная страна в мире, которая разрешает иностранцам голосовать. Считаете ли вы, что это хорошо, и выступаете ли против ценности закрытых политических сообществ?

Ф.П.: Думаю, здесь мы заходим на поле международных отношений, которое не затрагивали ранее в этом разговоре. У каждого общества есть право и, по-моему, даже долг управлять притоком мигрантов и беженцев. Идея открытых границ приведет к хаосу и разрушению республиканских традиций, которые могли быть установлены в той или иной стране. В то же время я думаю, что сегодня каждое общество, особенно в связи с изменением климата, с появлением климатических беженцев, обязано принимать их и участвовать в их распределении и размещении на международном уровне. Речь идет в первую очередь о странах, которые будут в меньшей степени затронуты изменением климата, войной и другими бедствиями. В случае когда человек приезжает в страну в статусе легального мигранта и ему сразу разрешают голосовать, мне кажется важным, чтобы перед этим он получил своего рода гражданское воспитание, понял нормы, традиции, курс по которому движется данное общество. Ему необходимо иметь понимание ценности разделения властей, независимых судебных органов, верховенства права, а также роли выборов в рамках всей этой системы. Это очень важно. К примеру, во времена Второй мировой войны подобного воспитания не было вовсе. Это своего рода неве-

жество, и будет лучше, если оно будет сведено к минимуму. Прежде чем люди сознательно примут участие в голосовании, у них должен быть какой-то период, когда они должны изучить и продемонстрировать знание местных обычаев, законов и условий, лежащих в их основе, — в этом и состоит настоящий республиканский дух.

Москва, 2019 год

DOI: 10.58186/2782-3660-2022-2-5-6-14